

Братство святого Иосифа
Реколлекции Адвента (в формате видеоконференции)
21–22 ноября 2020 г.
Суббота

Л. ван Бетховен. Симфония № 7. Spirto Gentil, CD 3

«Седьмая симфония словно описывает большой праздник, первая часть вводит нас в празднование. Но вдруг один человек, в высшей степени эксцентричный и чудной, отделяется от остальных, выходит на улицу, чтобы глотнуть воздуха, смотрит на все со стороны и ощущает абсолютную тщетность. Человек смотрит с иронией и сарказмом на ничто, которое изнутри казалось всем, и это чувство порождает вторую часть [симфонии]. Тут звучит уже другая музыка, как будто музыка говорит правду о том, чем мы наслаждались ранее» (Л. Джуссани).

Отец Микеле Берки

Церковь вводит нас в Адвент, в ожидание, но это ожидание Того, Кто уже воспламенил наше сердце, а иначе мы бы ничего и никого не ждали. Адвент – чисто христианское явление, потому что лишь Тот, Кто пришел, Тот, Кто среди нас, может всякий раз обновлять в нас ожидание. Вся жизнь Богородицы с самого начала была ожиданием чего-то, что происходило в ней. Начнем эти реколлекции, прося с ней и у нее поддержать нашу просьбу, обращенную к Духу Святому, Который делает наше сердце плодотворным, опалая его и нашу плоть Христом.

1. За плечами – ничто

Каждое утро, просыпаясь, стоит нам открыть глаза, мы вновь оказываемся в центре драмы и борьбы. И если бы только мы боролись за пару лишних минут сна! Настоящая борьба разворачивается между тлетворной склонностью, будоражащей и нас, и вещи и представляющей собой зов ничто, того ничто, из которого происходит всё и все, из которого мы были высвобождены и которое в тот момент вновь влечет нас в сторону распада, в сторону жизни, рассыпающейся на части, – борьба разворачивается между всем этим и инстинктом, свидетельствующим о силе Бога, творящего нас в этот момент и продолжающего творить нас мгновение за мгновением на протяжении вечности; свидетельствующим о силе Бога, подкрепленной Духом Божиим, Который есть сама жизнь и действует в нас как сила единства. Каждое утро мы должны решить: поддаться ли тлетворной склонности или прислушаться к инстинкту, последовать за силой и Духом Бога.

*Возможно, однажды утром, идя в стеклянном воздухе,
я, обернувшись, увижу свершение чуда:
за моими плечами – ничто, позади – пустота, –
и ужаснусь, как в опьянении.
Потом, словно ширмы, разом возникнут
деревья, дома, холмы, чтобы, как обычно, обмануть.
Но будет слишком поздно, и я пройду в молчании
среди людей, которые не оглянутся, неся мой секрет.*

«За моими плечами – ничто, позади – пустота». Вот страх, охватывающий в эти дни: пустота позади меня, пустота вокруг, пустота внутри, пустота, в которой мы пытаемся *разом* насадить наши дела, результаты, планы, встречи, нашу ответственность.

Мы заперты по домам, и нам в лицо словно брошен вопрос: если сегодня я не в состоянии делать то, что делал, какой прок в таком дне, какая от меня польза? Какой смысл, какое значение имеет этот день, дни моей жизни? Получается, мой день имеет ценность, когда я делаю что-то полезное? Я имею ценность, когда что-то делаю, и потому я свожусь к моим делам? Но тогда кто я? В чем моя настоящая ценность?

То, что еще недавно мы, читая «Религиозное чувство» отца Джуссани, воспринимали как труднодоступные рассуждения, всегда смутно подозревая их искусственность или по меньшей мере интеллектуализм, сейчас суровым образом всплыло в нашем опыте. Каждое утро мы обнаруживали, как это со скоростью света течет по нашим венам вместе с кровью, и борьба, которая отсюда рождается, определяла и продолжает определять наши силы, настроение, желание вставать с кровати, жить.

Как часто мы искали, чем бы себя занять (стыдно признаваться, но это так!): например, ходили за покупками ради короткого, мимолетного облегчения и наблюдали, однако, что в обратной пропорции внутри нас разрасталась пустота, а с ней – горечь, страх и недовольство.

*Потом, словно ширмы, разом возникнут
деревья, дома, холмы, чтобы, как обычно, обмануть.
Но будет слишком поздно...*

Нигилизм, нравится нам или не нравится называть его так, вовсе не преувеличение, не навязчивая идея этого периода и, уж конечно, не теория. Нет, это каждодневное искушение сомнением в содержательности наших дел, нас самих, всех вещей и, что более всего, любимых людей. Такая несодержательность искушает нас целый день напролет. Мы словно постоянно натываемся на знаки, подтверждающие ее: подозрение в том, что нас повсеместно обманывают, чувство растущего безразличия к вещам, их непривлекательности, отсутствия в них интереса. Мы думаем: «Если разобраться, к чему все это? Все проходит, все надоедает, все причиняет беспокойство. Вот ведь досада! Да и вообще, что в жизни есть хорошего?» Червоточина внутри – сказал бы Каррон. По этому поводу отсылаю вас к первой части Дня начала года, где он предваряет интервью с Азурменди.

Я не хочу сыпать соль на рану, приводя слишком много примеров, однако, мне кажется, это помощь – видеть конкретные последствия, которые искушение нигилизмом обрушивает на нашу жизнь, поскольку тогда мы можем относиться к ним именно как к последствиям и не теряться в нашей мере, в попытках внести моралистические коррективы, не понимая, что на самом-то деле нужно идти до истока проблемы, в другом направлении. Любопытно помогать друг другу замечать некоторые из этих последствий. Например, страх, часто охватывающий нас по вечерам или когда до нас в очередной раз доходят печальные известия, коренится как раз в дыхании ничто. Или оцепенение, которое держит нас на расстоянии от происходящего, чтобы мы не утруждались участием в нем («для меня там ничего нет!»); или неустойчивое состояние, из-за которого мы стараемся насытиться мелкими утешениями; или злость и недовольство, которые мы ощущаем, когда не можем изменить ситуацию – нашу собственную и других людей, потому что жизнь идет своим чередом, а не так, как запланировали мы. Исток всего этого – искушение «ничто за плечами».

2. Борьба

Мы сказали о борьбе в нас. Однако, чтобы завязалась борьба, нужно хотя бы два соперника. Если с одной стороны выступает ничто, пытающееся, подобно бездне, поглотить нас, то что ему противостоит? Искушение ничто, пронизывающее нас, пробуждает в нас беспокойство. «Я создан не для этого, я этого не хочу!» Наше сердце не находит покоя. Что-то в нас остается незыблемым перед искушением, когда все, кажется, стремится доказать нам, что игра не стоит свеч, что ни в чем нет никакого смысла. В нас появляется беспокойство,

которое мы не в силах устранить, нечто незыблемое. И возможно, обычно у нас и на этот счет закрадываются смутные, не высказанные подозрения, что речь о чем-то отвлеченном, интеллектуальном. Однако в ситуации, когда с одной стороны возникает искушение ничто, с другой столь же явственно проявляется нередуцируемость нашего желания. Я не желаю ничто! Оно не по мне! Так быть не может, я этого не хочу! Я создан, чтобы жить, я хочу жить!

Расскажу вам одну историю, которая меня поразила. Мне прислали видео об одной балерине преклонного возраста, прикованной к инвалидному креслу и страдающей болезнью Альцгеймера. Услышав в наушниках музыку из «Лебединого озера», она начала, как могла, повторять грациозные жесты из танца. Дальше в ролике чередовались кадры, которые показывали ее сейчас, сидящую на коляске с отсутствующим взглядом, и фотографии спектаклей, на которых она много десятилетий назад танцевала на сцене под ту же музыку. Трогательное видео, и смотря его, я ощутил в себе крик: не может быть, чтобы время всегда уносило все прочь! Несправедливо, чтобы такая красота ушла и превратилась в ничто! В последнее время, когда пережито столько горя, особо тяжелого от того, какой стремительной и безжалостной стала для многих из нас смерть близких людей, желание жить вскрылось со всей своей силой. Оно непоколебимо. Мы не созданы для пустоты. Что-то в нас сопротивляется. Да и в самой банальной повседневности это беспокойство, эта жажда смысла, которую мы раньше описывали как оборотную сторону медали, эта как никогда острая потребность в смысле проявляется как раз из-за искушения ничто. Потребность в смысле проявилась в нас так же реально, как и пандемия вокруг. Какие уж тут абстракции! Нужда в том, чтобы каждый жест что-то значил, оказалась для нас самым насущным хлебом. Мы жаждем и алчем смысла. Наш нынешний опыт свидетельствует, о том насколько это было и остается неизбежным. Нам нужно понимать и видеть причины вещей и самих себя. Другое проявление страха – привязанность к тому, что не хочется потерять. Если нам страшно, значит, мы к чему-то привязаны. Отец Джуссани говорил об этом в «Религиозном чувстве»: сначала возникает красота, а потом – страх ее потерять. Не бывает страха, если ему не предшествует красота. Тогда как красота может существовать и без страха. Поэтому-то так важно осознать неизбежность, эту привязанность к реальности, к жизни, это желание, дающее о себе знать, эту потребность в смысле. Они являются основополагающими, поскольку говорят о том, кто мы такие, кто я такой. Не будь в нас страха, мы соскользнули бы в ничто, даже глазом не моргнув. Но этого не происходит, это невозможно. И правда, случился переворот в наших ментальных, культурных и псевдокультурных схемах. Раньше «конкретным» в жизни нам казались наши дела, тогда как смысл мы считали отвлеченным понятием, поддающимся интерпретациям, как минимум субъективным (каждый в какой-то мере думал, что свободно может изобрести собственные обоснования). В действительности же – просто поразительно! – из опыта последнего времени стало ясно, что мы, как в воде и воздухе, нуждаемся в смысле: без него, без хороших, прочных, объективных и конкретных причин то, что мы делали и делаем, остается абстрактным, сумбурным, пустым, напрасным. Ничем. Конкретное, то, что придает конкретность всему, как мы сейчас выяснили, – это смысл. Во мне есть неустраняемая, образующая структура: я алчу, жажду, ожидаю смысла. Структура эта сдерживает ничто, противостоит ничто, борется с ним и пытается сопротивляться ему. Чем больше мы сознаем это, различаем, с удивлением обнаруживаем в нас, тем лучше нам удастся прочитывать и видеть это вокруг. Порой мы с некоторым презрением клеймили как проявление незрелости и поверхностности лозунг «Все будет хорошо!», доносившийся до нас со множества балконов и растяжек. Но не был ли он простодушным заявлением о надежде? Держался ли он на пустоте, не имея под собой никаких оснований? Не мог ли он выражать крик, сколь угодно искаженный, но все же свидетельствующий о человечности, которая, не зная как, тем не менее пытается противостоять ничто?

Конечно, не всем, как нам, посчастливилось услышать то, что я считаю гениальным озарением Каррона, поставившего нас перед объективной и последовательной истиной: если есть вопрос, есть и ответ. Мы были несколько удивлены. Слишком уж просто. Или слишком заумно, интеллектуально, абстрактно. Объясню на примере. Нам пришлось многое изменить, чтобы можно было принимать исповедь, но не в конфессионале. Для этого мы оборудовали часть ризницы в отдельное помещение со столом, экраном из плексигласа, позволявшее соблюдать дистанцию. Передвигая мебель, мы нашли сейф в стене! О нем все позабыли. Никто не мог открыть этот сейф, потому что никто не знал, где ключ. Одно не вызывало сомнений: ключ был (или есть)! Бессмысленно изобретать замок, если не изобретаешь и ключ. Пример очень образный, но одновременно и очень простой: никто не сомневается в существовании ключа к замку от сейфа. Возможно, он не находится, но он должен быть. Разум не согласился бы с мыслью о том, что кто-то изобрел сейф с замком, к которому нет ключа. Перенесем это на экзистенциальный уровень: если я тоскую, значит, мне кого-то не хватает. Нельзя ностальгировать по идее. Ностальгия – доказательство, что кто-то есть, кто-то был, кто-то тронул нас, а иначе она безосновательна. Так, если я испытываю желание смысла, если я соткан из этого желания, то тут только одна альтернатива, как и в примере с сейфом, к которому не придумали ключа: либо смысл есть, либо мое желание абсурдно! Но если перед сейфом мой разум смеется, то, когда речь о смысле жизни, он приходит в помешательство. Я состою из вопроса о смысле, потому что смысл существует, потому что мне кого-то недостает, мне недостает смысла, я в нем нуждаюсь. В этом простом переходе – огромный ресурс, позволяющий противостоять ничто. Нужно осознать, кем ты являешься в этот момент. Ты любим. Есть Кто-то, Кому ты дорог. Разумеется, поскольку Он сотворил тебя жаждущим Его, в настоящее мгновение Он заставляет тебя желать, тосковать, жаждать и алкать, нуждаться в Нем. Так Он может предстать перед нашей свободой, чтобы в этом ожидании была задействована наша свобода, наше принятие Его. Попробуем послушать песню, описывающую путь, который мы проделали до сих пор, путь сердца и желания:

*Боже мой, я смотрю на себя и понимаю,
что у меня не лица,
заглядываю вглубь себя и вижу
бесконечный мрак.
Только когда я замечаю, что есть Ты,
я вновь слышу, словно эхо, мой голос
и возрождаюсь, как время из воспоминаний.
Сердце мое, почему ты дрожишь? Ты не одиноко,
ты не одиноко;
ты не умеешь любить, но ты любимо,
ты любимо;
ты не в состоянии создать себя, и все же ты создано,
и все же ты создано.
Подобно звездам в небесах,
позволь мне идти по бытию,
дай мне расти и изменяться, подобно свету,
который Ты возвращаешь и меняешь днем и ночью.
Душу мою уподобь снегу, расцвеченному,
как нежные вершины, солнцем Твоей любви.*

Я заглядываю вглубь себя и вижу мрак, я замечаю, что есть Ты. Смотрю, вижу, замечаю. Это не происходит машинально. Нужно решить делать это. Только когда эти действия не

являются повторением некоей формулы, когда наше «я» присутствует, когда оно встает во весь рост, со всем своим желанием и умом, со всей рациональностью открытого, желающего разума, только тогда мы начинаем жить. Когда мы «замечаем», признание становится просьбой. Исаия говорит: «О, если бы Ты расторг небеса и сошел! горы растаяли бы от лица Твоего» (Ис. 64:1).

«Сердце мое, почему ты дрожишь? Ты не одиноко, ты не одиноко». Великий труд заключается именно в самосознании, а утро для каждого из нас – начало пути, на котором мы признаем Его в борьбе с поглощающим нас ничто и, побуждаемые связанным с ним дискомфортом, настолько сознаем самих себя, что замечаем: «Есть Ты». Ты, Тайна, существуешь.

Великий труд – именно такое самосознание, такой путь, как описывает его песня: «Позволь мне идти по бытию». По бытию, не по ничто. «Дай мне расти и изменяться... Душу мою уподобь снегу, расцвеченному, как нежные вершины, солнцем Твоей любви». Уподобь ее эху, озари ее Твоим присутствием, о котором говорит мое желание Тебя. Доказательство – на расстоянии вытянутой руки, оно доступно мне, оно внутри меня, в моем опыте Тебя. Ты пробуждаешь во мне желание Тебя, ожидание Тебя. Ты есть. Позволь мне каждый день идти по пути, ведущему из небытия к признанию Тебя. Этот путь есть молчание, и в нем – сильнейшее орудие против ничто.

Одним словом, друзья, речь в первую очередь не о чрезвычайной санитарной ситуации. Мы говорим о чрезвычайной человеческой ситуации, о настоящем гуманитарном ЧП, потому что мы ясно увидели, в чем заключается самая большая наша нужда. И не всякое решение находится на высоте проблемы.

3. Неадекватные усилия

Мы на опыте убедились, что определенные попытки решить проблему, которые мы предпринимали и продолжаем предпринимать, не соответствуют масштабу нашей человечности, то есть нашего желания. Мы всегда об этом говорили, но сейчас сам опыт продемонстрировал, что ответ, смысл, которого мы жаждем и алчем каждое утро, – не в объяснениях.

А. Повторение слов

Каррон выразил это очень лаконично: «Мысль, философия, психологический или интеллектуальный анализ не в состоянии дать человеку новое начало, вернуть дыхание его желанию, возродить „я“». Помните, как в детстве нам говорили (и то же самое мы говорим сегодня детям): «Не будешь учиться, далеко не пойдешь, не будешь учиться, тебя впереди ничего не ждет»? Правдиво, логично, ясно. Но никто из нас не открыл книгу из-за такого увещевания. И никогда не откроет. Недостаточно понимать вещи, чтобы «я» пришло в движение. На самом деле, если «я» неподвижно, значит, мы вещей не поняли. Мы думаем, что поняли, но в действительности мы просто встроили их в дискурс, уже сложившийся у нас в голове, в универсальную схему, как говорил отец Пино на последней школе общины, то есть в христианскую или движенческую теорию. Давайте дойдем до сути. Понять какую-то вещь – значит любить ее; чтобы понимать, нужно любить, то есть вещь должна привлекать нас, мы должны здесь и сейчас сознавать, что она является частью ответа на мое желание полноты и счастья, она связана с моим желанием. Будьте внимательны, поскольку обман велик, и, присмотревшись, мы увидим, что это самая большая ловушка, в которую мы регулярно попадаем. Поэтому-то, с точки зрения метода, так важно, что Каррон поставил перед нами Азурменди, точнее то, как он предстоит перед Движением. Можно наблюдать десятки фактов, изумляющих нас в нашей компании, трогательных, происходящих на наших глазах... Сколько примеров мы слышали, к скольким сами были причастны, о скольких рассказываем? Но потом мы как будто встраиваем их в универсальную картину уже известного. Отец Джуссани говорил: «Мы обобщаем их до отвлеченного универсального», –

то есть смотрим на них, относимся к ним как к подтверждению чего-то уже нам известного, а не как к чему-то, кому-то, происходящему в настоящий момент и просящему меня об одном: следовать. Обобщая их до отвлеченного универсального, до уже известного, используя их как подтверждение того, что мы уже знаем, неподвижного и отвлеченного, мы лишаем факты их сущности события. Не то что мы не видим факты, говорил Каррон. Азурменди – дилетант в сравнении с нами, столько всего видевшими в нашей компании за годы, за десятилетия! Но он послушно последовал за соответствием, которое признал, а мы обобщаем факты до отвлеченного универсального. Мы превращаем в отвлеченное понятие и Движение, и уже известную и подконтрольную нам харизму. Однако перед лицом человека, в которого мы влюблены, мы не обобщаем факты, свидетельствующие о том, что такое влюбленность, чтобы потом яснее это понимать! Мы следуем за фактом, за важным для нас проявлением присутствия, говорящего нам о чем-то, происходящего перед нами и призывающего нас. Мы идем за ним, и не потому, что он подтверждает теорию любви. Вот почему Азурменди все меняет, меняет способ познания, достигает истинного познания. Для нас же, когда мы видим те же самые вещи, харизма больше не является событием, которое вновь происходит и за которым мы следуем, которое мы признаем здесь и сейчас (как женщину, привлекающую меня, в которую я влюбляюсь). Факты приукрашают, подтверждают отвлеченную теорию, сложившуюся у нас в голове. Это поразительно. Мы должны всмотреться в эти вещи, поскольку тут кроется настоящая опасность, чудовищная редукция события. У нас хорошо получается повторять факты, они нас поражают, но не сдвигают с места. Мы выхолащиваем их, встраиваем в универсальную отвлеченную схему. И это страшная альтернатива, поскольку, что бы ни случилось, мы не движемся.

Именно в этом Иисус упрекал Свое поколение: «Мы играли вам на свирели, и вы не пели». Не то что вы не слышали свирели, вы просто не придали ей значения. Вы не сдвинулись с мертвой точки. Она ни о чем вам не сказала. Люди все видели, еще как видели! Но они не слушались. Недостаточно идеологии, недостаточно слов, даже христианских, – что уж говорить обо всех остальных! И нам не понадобилось, чтобы кто-то это объяснил. Мы в самих себе заметили, как скучны некоторые речи, анализ, уверения, звучавшие по телевизору, с кафедры, а, возможно, и на наших школах общины и в группах Братства. С новой силой заявил о себе наш внутренний детектор, о существовании которого мы уже и не помнили. Осознать это в опыте – вовсе не мало! Идеологии недостаточно, и это не мое утверждение, а предложение проверить это в вашем опыте. Когда событие превращается в идеологию, в универсальное отвлеченное понятие, оно надоедает тебе, поскольку твое желание не ошибается.

Б. Придерживаться правил, тоже, как выяснилось, мало

Кажется, это значит, что мы против правил и восхваляем безграничную вседозволенность. Ничего подобного! Однако стало понятно, что попытки держать под контролем реальность и самих себя, прибегая к надежным и ясным правилам, не приносят результатов, они бесполезны и иллюзорны. Все растущий крик о потребности в смысле не заглушило изначальное удовольствие от того, как хорошо мы следовали правилу Братства св. Иосифа, Движения, Церкви. Повторяю, это не значит, что правила не нужны, но попытки ответить с помощью правил не работают.

В. Раз так, удовольствуемся тем, что есть!

С такой формулировкой ни один человек из Движения никогда не согласился бы, в нас тут же запускается «антивирус». Но на практике все мы, подобно детям, которые никогда не сдаются, не отступают даже перед опытом, пытаемся так или иначе удовлетвориться. Поскольку у нас не получается оставаться на головокружительном уровне вопроса, мы ежедневно предпринимали и продолжаем предпринимать попытки отказаться от исполнения

желания и вместо этого удовольствоваться каким-либо суррогатом. Мы видим, что поступаем так, но нам как будто мы не удаётся удержаться от этих попыток.

4. Так что же вырывает нас из небытия?

Что по-настоящему отвечает? Каждый из нас это знает, знает, в какие моменты, в каких ситуациях он дышал. В какие мгновения мы открыли в себе уверенность?

Отец Джуссани говорит прекрасные слова, которые мы повторяли в последнее время: «Мне не удастся найти никакого другого признака надежды, кроме растущего числа таких людей, являющихся присутствием». Когда мы увидели намек на ответ, который бы соответствовал нашему желанию? Когда столкнулись с людьми, которые открылись перед нами как присутствие, как авторитет, когда мы увидели, что в ком-то ничто побеждено, увидели по тому, что и как эти люди говорили, по мгновенному созвучию с тем, в чем мы нуждались. Они несли нам ответ на нашу жажду смысла, несли его в собственной плоти и в сиянии своих глаз. Эти люди позволили нам в какой-то момент вновь пережить отцовство харизмы, отцовство Духа Святого, достигшего нас через Джуссани. Поэтому-то они стали для нас авторитетом. Они – заново родившиеся «я», которые помогли в тот момент заново родиться и нам, благодаря их инаковой человечности, более завершённой, более желанной. Они не супергерои, но в тот момент мы распознали их по дыханию, которое в нас открылось. В нашем опыте эхом отзывается то, что мы много раз слышали и с чем, возможно, соглашались, что включили в наш умный анализ момента, но что сейчас понимаем по-настоящему. Я имею в виду утверждение отца Джуссани: «Настало время личности. Когда мы собираемся вместе, то ради чего? Чтобы вырвать друзей, а если получится, и весь мир из ничто, в котором пребывает каждый человек».

Каким образом смысл, облекшийся в плоть две тысячи лет назад, продвигался в истории? Он шел от сердца к сердцу, от свободы к свободе, от изумления к изумлению, от «да» Богородицы, от «да» к «да», через отца Джуссани, через лица и друзей, которых ты знаешь, – так он достиг тебя. Сейчас, так он достигает тебя сейчас! Вот сердце рождественской тайны. Каррон говорит: «Евангельскую грешницу из небытия вырвали не ее мысли, не ее намерения, не ее усилия, а Присутствие, полное столь пламенной любви, столь великого предпочтения по отношению к ней, к ее „я“, что оно покорило ее» (см. *Лк. 7:36–47*). Точно так же сейчас оно покоряет меня, покоряет тебя. Христос сегодня становится нашим современником в Своем Телес – Церкви.

5. Адвент

Есть, однако, два условия. Во-первых, нужно смотреть. Это не само собой разумеется, ведь, чтобы смотреть, чтобы видеть, нужна вся наша человечность, как мы открыли и описали ее выше: человечность, раненная искушением ничто, человечность слабая и уязвимая, а также твое сердце, которое как раз из-за раны, нанесенной ему ничто и его собственной слабостью, начинает становиться самим собой, то есть желанием. Кажется, это трудно описать, но в опыте все просто, легко, повседневно. Не требуется ничего другого, только твоя человечность – такая, какая она есть, какой она просыпается по утрам, какая она сейчас, какой будет через полчаса. Если Бог воплотился, «нужно пребывать во плоти, чтобы понять Иисуса», – говорит отец Джуссани. Иисуса понимаешь в опыте. Если Бог – Тайна – воплотился, родился из чрева женщины, ничего невозможно понять об этой Тайне, если не исходить из материального опыта».

Прочитаем рождественский плакат: «Он присутствует здесь и сейчас, здесь и сейчас! Эммануил. Все проистекает отсюда, все проистекает отсюда, ибо все меняется. Его Присутствие предполагает плоть, материю, нашу плоть. Присутствие Христа заставляет наше сердце биться все сильнее в обычной жизни: взволнованность перед Его присутствием становится взволнованностью повседневным существованием. Нет ничего бесполезного, нет

ничего чуждого, рождается привязанность ко всему, ко всему, и удивительны последствия этой привязанности: бережное отношение к тому, что ты делаешь, точность в том, чем занимаешься, верность конкретному делу, упорство, позволяющее довести его до конца; ты все более неутомим. Поистине, как будто вырисовывается иной мир, иной мир в этом мире».

Чтобы уловить ответ во плоти, нужно смотреть. Это первое условие. Смотрит тот, кто знает, что найдет, а знает, что найдет, он потому, что сам был найден. Вот почему Адвент – исключительно христианское явление: мы ждем Того, Кто уже пришел.

Второе условие – признание. И оно тоже не самоочевидно, ведь, чтобы признавать, нужно быть нищими, то есть ничего не защищать, не отстаивать никакие идеи. Не ты решаешь, как, где и когда. Этим-то и прекрасны Адвент и Рождество: фарисеи могли разложить по полочкам все представления о Мессии, о том, каким Он должен быть, когда должен прийти, напоказ приправляя свои мысли кучей цитат, учений, интерпретаций, а вот пастухам нечего было защищать. И они пришли в движение, как и волхвы. Когда последние пришли в Иерусалим, фарисеи и книжники достали все свои книги, где было просчитано время и место (примерное время и точное место, где должно было родиться Спасителю), Он был совсем рядом, в двадцати километрах от них. Но фарисеи не сдвинулись с места, они обобщили Его до отвлеченного универсального. Признание события не происходит само собой. Следование за Ним как за событием не само собой разумеется. Три волхва последовали. Адвент и Рождество полны таких фигур, таких образов, помогающих нам: не ты решаешь, как, где и когда. Требуется открытость, и нищета, и отсутствие претензий на то, что ты уже знаешь. Вот так. Открытость означает, что нужно быть настолько нищими, чтобы не претендовать на то, что ты все уже знаешь.

Завершим нашу лекцию, прочитав слова, с помощью которых Каррон подвел нас к Адвенту на последней школе общины: «Адвент – время такого ожидания, в которое Церковь в очередной раз вводит нас. Христос отвечает на это ожидание (устранить его, как мы видели, не в силах никто) Своим Присутствием, говорящим через факты – сегодня, как и в начале. Метод всегда один и тот же, и Евангелие постоянно напоминает нам об этом. Меня всегда поражает фраза Иисуса: „Ваши... блаженны очи, что видят, и уши ваши, что слышат, ибо истинно говорю вам, что многие пророки и праведники желали видеть, что вы видите, и не видели, и слышать, что вы слышите, и не слышали“ (Мф. 13:16–17). Его слова верны и для нас, людей, которые всякий раз при встрече слышат подобные рассказы и видят подобные факты, день за днем. Именно через факты Он сегодня призывает нас к обращению. Мы входим в число блаженных счастливыхцев, о которых говорит Евангелие. Каждый из нас может сегодня проверить, насколько он открыт, как это делали люди две тысячи лет назад, отвергая или принимая факты: „Горе тебе, Хоразин! горе тебе, Вифсаида! ибо если бы в Тире и Сидоне явлены были силы, явленные в вас, то давно бы они, сидя во вретнице и пепле, покалялись“ (Лк. 10:13). Поэтому давайте взаимным свидетельством помогать друг другу в следовании за фактами, чтобы никто из нас не услышал: „Горе тебе!“ В самом деле, кто призывает нас через факты? Иисус продолжает: „Слушающий вас Меня слушает, и отвергающий вас Меня отвергается; а отвергающий Меня отвергается Пославшего Меня“ (Лк. 10:16). Он призывает нас сегодня посредством чьего-то свидетельства в настоящем: Он по-прежнему проявляет к нам милосердие и стучит в нашу дверь в начале этого Адвента, чтобы охватить все в нас и через нас достичь всех. Хорошего Адвента!» Так сказал нам Каррон, и мы повторяем его пожелание среди нас.

(Текст не отредактирован автором)